

ПЛАТО

*Рассказ был представлен на питчинге
в Доме творчества «Переделкино».*



ЛЕРА МАНАРОВА
Писательница и сценаристка. Родилась в Саранске. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького (семинар А.Е. Ренемчуна). Победительница российских и международных литературных конкурсов. Участница резиденции Дома

творчества «Переделкино» (2021). Рассказы появлялись в журнале «Волга», «Традиции & авангард», «Снобы» и др. Рассказ «Плато» написан от лица молодой женщины, этнической татарки, переживающей потерю мужа и чувство отдаления от своей матери и дочери.

В этом году дерево накренилось, и от чистой дороги остался только просвет. Пришлось согнуться и так проехать. Лыжи искали сцепления со снегом: иногда хорошо скользили, иногда про буксовывали. В этом году, думала я, точно куплю какую-нибудь хорошую лыжную мазь. Для моих-то старых Visu Pärnu 1986-го, как и я, года выпуска. Подойдет любая, лишь бы была.

Навстречу пока никто не катил, и лес, непривычно наполненный снегом, казался пустым. Позади меня, не испытывая никакого удовольствия, ехала Даша. Я налегла на палки, чтобы немного оторваться от нее и побыть с окружающим наедине.

Прошло девять месяцев с моего последнего катания, и тело давало о себе знать. Как же это делается – набирается ход: представить себя Большуновым и присогнуть ноги в коленях, увереннее замахиваться рукой. Палки вязнут во влажном снегу, поначалу сложно даже просто вытаскивать их из снежного месива, не то что ноги передвигать по не катанной несколько дней лыжне. Но потом я перестала думать.

Напирала на левую палку, правой – отталкивалась. Наседала на переднюю часть лыж. Чувствовала, что движения становятся спокойнее и раздольнее, а когда все же задумалась, где там Даша, и откинулась назад посмотреть, то сразу же упала, но мягко, и сама себе рассмеялась.

На лыжню выезжал мужчина в оранжевой куртке и привычно, как много лет подряд, уступал мне ее. Мы не здоровались, но посмотрели друг на друга. Потом, в суетящихся от быстрого хода деревьях, показывался старик в синей советской шапочке с помпоном, его я тоже знала.

Больше людей на лес не нашлось.

Нет ни гудения автомобилей, если вплотную подъезжаешь к краю лесопарка. Ни лязганья затворов и выстрелов, если к другому краю, где лыжная база. Биатлонисты, как и все, отдыхают. Пение птиц и ничего другого, тишина. Но синичка вымахнула на ветку, нависшую над лыжней, – я вздрогнула.

Когда мы одолели три полных круга, с радостью и болью отметила: вот это пястные косточки, и плечевой пояс, и шея, и бедренные мышцы. Наверное, чтобы что-то обнаружить, нужно это задеть: заболит – и отыщется без всякой нужды.

В начале лета моего бывшего мужа не стало. Это горе чуть не выжило нас с Дашей со свету. Так обнаружилось, что я до сих пор его люблю. Некрасивое сразу забылось, как и не было его измены и нашего расставания.

Помню, я стояла на веранде и думала, что в феврале у нас была близость и что при иных обстоятельствах я могла бы сейчас, то есть в те минуты на даче, быть от него беременна. Помню

недоумение и ужас от того, что я теперь навсегда одна в дачном домике, а его дурашливая собака лижет кончики моих пальцев, не понимая, что лишилась хозяйина... Что я могу выкинуть ее на улицу или оставить и вязать ее, потому что она породистая сука, и продавать щенков.

Когда мы с Дашей выкатили на кусок сплошной заснеженной земли, который я называла плато – старт и финиш трассы, – там защелкивали крепления лыж взрослые и дети.

– Дейзи, фу! – закричал кто-то из них, но золотистый ретривер заструился по снегу, торопясь поздороваться с нами.

Я стояла на обочине и любовалась тем, как разноцветный строй удаляется в лес. Их Дейзи плясала то перед одним ребенком, то перед следующим. Думала о том, что в другой раз можно взять с собой термос и оставить его здесь же, в сугробе: хорошо после катания выпить чаю.

Мы возвращались и шли вдоль катка, обсаженного яблонями. Летом это футбольное поле, и по плодам видно, что яблони эти – северный синап, но поскольку в черте города, то очень чахлый северный синап. Пока шла по хрусткому снегу с лыжами наперевес, как с коромыслом, мне хотелось моченого яблока из кадушки, его белой, сияющей мякоти. Все вокруг было сияющим, но в приглушении.

С катка звучала новогодняя песня, под нее карябали лед двое – маленькая девочка в розовой куртке и розовой шапке и ее молодой отец, им было весело друг с другом.

На пешеходном переходе наши лыжи показали носы, и первый ряд автомобилей нехотя притормозил. С другой стороны дороги тоже шли лыжники – в середине шоссе мы схлестнулись и разошлись.

Видя, что Даша идет опасливо, я сказала ей, что гололед боится уверенности. У нас у обеих были старые лыжи и старые ботинки к ним, скользкие.

Какие у вас кирзовые, в прошлом году восхищался инструктор с лыжной базы. Палки еще гэзовские, Горьковского завода, а вот эти крепления – Свердловского, таких и городов сейчас нет, да?.. Он обращался к Даше, она отмалчивалась. Смотрел на ее Karjala. Их бы отциклевать, вот тут нос ободран, эпоксидным клеем на ночь прижать, мазь – и летать будут.

Мы немного заплутали, потому что я плохо помнила дорогу. Когда наконец свернули во двор, показалось, что стемнело. Но это была тень вну-

три колодца высоток. Время еще было. Я прикидывала, что нужно успеть сделать. Самое главное – не забыть пополнить карту, чтобы в полночь списалась сумма за ипотеку, и проверить, не осталось ли долгов перед налоговой.

На торце дома была красная надпись. Несколько недель, как в нашем городе коммунальщики писали трафаретом – УКРЫТИЕ. Проходя мимо, я почувствовала, как Даше не по себе, всякий раз не по себе, и взяла ее за руку. Она руку не отдернула.

Около двери в подъезд мы попытались вспомнить код. Все равно пришлось искать ключи.

В квартире Даша сразу, не снимая ботинок, пошла на кухню, чтобы сесть там на стул и долго и мучительно растаскивать прикипевшие шнурки. Я аккуратно собрала наши лыжи и поставила их в угол, с них закапало на линолеум. Зашла в комнату, из тумбы, где хранится белье, достала полотенце – таких я раньше не видела у мамы.

Ванная комната имела до неприятного стерильный вид. Только полоса ржавчины на стене, за трубой, рассказывала, что иногда здесь что-нибудь происходит. От теплой воды по телу побежали мурашки. Стоять под водой было так приятно, что в ванной я провела дольше времени, чем хотела. Завернутая в полотенце, вышла и позвала: «Дарь-а, пойдешь в душ?..» Не любит воду, как кошка.

Потом лежала на разложенном диване и смотрела на потолок. Штукатурка осыпалась со стыков бетонных плит, и хорошо стала видна их картография. Мама не делала ремонт лет десять, помогу ей летом, если она захочет. Она как будто почувствовала, что я думаю о ней, и прислала сообщение.

Даша зашла в комнату, и я спросила, не хочет ли она дождаться бабушку и остаться здесь на саму ночь. Мне все равно, сказала Даша. Добавила, что она вообще-то хотела со своими ребятами и говорила мне об этом, и я даже разрешила. Но я это забыла.

Не любит Даша бабушку, потому что чувствует, что та хотела бы видеть ее кареглазой и носящей платок.

Я написала маме: «Можешь позвать в гости Зулю с ее выводком и отмечать вместе». Вокруг Зули, подумала, можете хоровод водить. Набрала еще: «Они не такие ершистые, как мы».

«Ляйсан, – написала мама, – уж так говорить про маленьких девочек не хорошо, не по-доброму».

Я поняла, что вместо «выводка» она прочитала другое слово.

Я думала о том, что хорошо заполнять жизнь девочки впечатлениями, но в зоопарк я Дашу больше не поведу. Она выросла, а я дожила до того, что лошадь не представляется мне иначе, чем в сбруе. Лошадь в своем сознании нужно освободить, и зоопарк мне в этом не помощник, вспоминать его неприятно: не тигра и не гуанако, а другой вольер, со степными орлами – двумя высохшими престарелыми клюводавами.

«Почему ты все не поймешь, – продолжила она, – ты у меня одна родная, хорошая, любимая... – И чуть позже: – Младшая у нее заболела, она один раз попросила помочь, надо было отказать?»

«Ты еще на Светотехстрое?» – спросила я, и когда она ответила, что да, усмехнулась. Видимо, это вежливость, и она хочет остаться с семьей Зули.

«Спасибо за предложение, мам», – написала я. Она прислала в ответ открытку. Я снова, как на плато, осознала себя матерью-одиночкой.

У нас всегда были напряженные отношения. Мы часто скандалили. Во время последней нашей ссоры мама кричала, у нее уже не хватало злых слов, и она плюнула на меня. Она не ожидала, что я рассмеюсь, это ее напугало. У тебя все хорошо, спросила она и стала извиняться.

Не стану же я ей рассказывать: недавно мы с Дашей были в зоопарке, в первом же вольере мы

увидели гуанако, а рядом предупреждение, что она плюется, а еще что линька и она может быть некрасива. Но плюшевая гуанако хлопала ресницами, и полизывала сокрестия сетки-рабицы, и заглядывала в душу глупыми черными глазами, она не выражала презрения к нам. Увидев нас снова, она выбежала из своего загончика и, поскользнувшись на застывшей воде, прильнула к сетке.

Мы уходили, зная теперь, кто взрезает бумажное спокойствие вечерами, когда гуляешь по набережной, своим пронзительным стоном. Старый гималайский тигр – он не смирился, нет, хотя соседний, бенгальский, – да. Мой тигр ходит, как в оцепенении, туда и обратно, и бьет хвостом по железным прутьям, и потом изнутри, из самой свежей своей раны, выводит, как алой тушью каллиграфа, этот рык. Думаю, что у него ребра болят от такого рыка. Внутри у него пусто, потому что он худой и, как говорят сотрудники зоопарка, часто отказывается от еды – от говядины и крольчатины, что подбрасывают ему, когда он спит.

Я думала о том, что хорошо заполнять жизнь девочки впечатлениями, но в зоопарк я Дашу больше не поведу. Она выросла, а я дожила до того, что лошадь не представляется мне иначе, чем в сбруе. Лошадь в своем сознании нужно освободить, и зоопарк мне в этом не помощник, вспоминать его неприятно: не тигра и не гуанако, а другой вольер, со степными орлами – двумя высохшими престарелыми клюводавами.

Внутри их вольера в сетку билась маленькая птичка. Не воробей, присмотрелись мы с Дашей: у птички был раздвоенный хвост и кружевное белое, – совсем не воробей. Который день от мысли о ней становилось тревожно, накатывала паническая атака, которыми я никогда не страдала.

Складывая наши болоньевые брюки и куртки, высохшие на батарее, пытаюсь успокоить себя. Даша, как всегда, смотрит тиктоки.

– Ты хорошо зашиваешь? – спрашиваю у нее. –

У вас же есть в школе что-то наподобие трудов.

Технология, кажется?..

На дне тканевого короба, в котором хранились все наши вещи в этой квартире, лежит второй мой лыжный комплект, с порванной по шву штаниной. Забыла, что в прошлом сезоне я пробралась на территорию лыжной базы, и попробовала коньковым, и проломила слабый наст снега. Был уже март, зима на последнем издыхании.

Крепления одной лыжи слетели, и лыжа перекувырнулась в воздухе. Я лежала, боясь встать

и обнаружить, что сломала ногу, но хуже – что лыжу, или что меня, если поднимусь, сразу же увидят, а я стыдилась длинного и протяжного слова, которое у меня вырвалось.

Даша не слышала меня.

Я убрала брюки и куртки и посмотрела на часы, потом открыла прогноз погоды: сейчас временами снег.

Ничего тогда не сломалось, не надломилось. Крепления как бы аккуратно развинтились и выпали. Сегодня я вложила их обратно в углубление деревянной лыжи и ввинтила отверткой из чемоданчика с инструментами, который случайно нашла в нашей квартире.

Почему он не забрал его, как остальные свои вещи? Наверное, не вспомнил про кладовку. Там много чего осталось. Когда-то мы оттирали зеленое пятно уличной краски с моей юбки, запах уайт-спирита так и царил.

Мне опять вспомнилась юркая, но недостаточно юркая, чтобы выбраться, птичка из клетки с орлами. Наверное, она для чего-то нужна там, решили мы и спокойно пошли дальше. Но сейчас у меня не было ни в чем уверенности. Который день птичку я запирывала как можно глубже внутрь себя, а вместе с ней – что ревную, завидую, мертвого не могу отпустить и, может, что-то еще.

Когда мы вышли на улицу, там начинались первые сумерки и праздничное оживление. Даша подгоняла идти быстрее. Около укрытия я почувствовала слабость и взяла ее за руку. Успокоилась немного и чуть не забыла выкинуть мусорный пакет, в нем было все, что лишним нельзя оставлять после себя в квартире мамы.

Боковым зрением увидела, как над мусорным контейнером кто-то заносит руку. Женщина с ярко накрашенными губами достала из пакета чей-то тюль, развернула, как бы примеряясь, и сунула в пакет обратно – не понравился; стала ворочать ножки от стола, выставленные по периметру контейнера; покосилась на нас так, будто знала: Даша в большей степени – дочь своего отца, мы с ней даже не похожи, она русоволосая и глаза у нее зеленые, как... нет, зеленые, как и у меня.

– Куда мы теперь? – спросила Даша.

Я пожала плечами и вдруг поняла:

– Поедем в зоопарк. Спросить, зачем там эта птичка.